

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 72 (4197)

Суббота, 18 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К ИЗОБИЛИЮ РОДНОЙ ЗЕМЛИ!

В СЕСЮЗНОЕ совещание специалистов сельского хозяйства завершило свою работу.

Его участники собрались в Большом Кремлевском дворце, чтобы обсудить конкретные вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства. Успехи тружеников деревни за последние годы общеизвестны, и о них говорили участники совещания. Но вместе с тем говорилось и о том, как велики еще резервы! Вот один из примеров.

Ветеран колхозного строя, председатель артели имени Ленина Чувашев из АССР С. К. Коротков в своем выступлении нарисовал яркую картину достижений колхоза. И привел интересное сравнение: в 1959 году колхоз промысел на 10 гектарах 126 центнеров мяса и 330 центнеров молока, продают государству только за один этот год молока и мяса больше, чем за все пять лет, предшествовавшие сентябрьскому Пленуму ЦК КПСС 1953 года! А в 1961 году, и это, пожалуй, самое интересное, производство молока в артели возрастет в четыре раза, составив 1200 центнеров мяса на каждые сто гектаров угодий. Значительно увеличится производство мяса и других продуктов.

Вот как велики еще резервы даже в передовых хозяйствах!

Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, — внедрение научно обоснованной системы ведения хозяйства. Именно в этом — залог дальнейшего развития производительных сил советской деревни.

Совещание в Кремле предшествовала большая творческая работа на местах. Более четырех тысяч специалистов, ученых и практиков, приняли участие в разработке обоснованных систем ведения хозяйства применительно к каждой из 39 сельскохозяйственных зон страны.

Прения по докладу министра сельского хозяйства СССР В. В. Машевича, начатые в Кремле со второй половины дня 15 июня, были перенесены Тимирязевскую академию, в павильоны ВДНХ, в залы министерства, где работали 18 зональных и отраслевых секций. На секционных заседаниях разрабатывались конкретные рекомендации по специализации производства, по внедрению наиболее прогрессивных приемов ведения земледелия и животноводства для каждой зоны. В частности, на секции Западного Сибири, Урала и сибирских областей Казахстана единодушно одобрена для внедрения в производстве некоторых районов система обработки почвы и посевов, разработанная колхозным ученым Т. С. Мальцевым.

Но разработка рекомендаций, подчеркивали участники совещания, лишь начало. Главное впереди — в творческом осуществлении этих рекомендаций. И в этом большом деле трудно переоценить роль специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров. Вот почему на совещании так много говорилось о необходимости поднять роль специалистов, повысить их ответственность за осуществление прогресса во всех отраслях сельского хозяйства.

ГОВОРЯТ ЧИТАТЕЛИ...

НА ДНЯХ состоялись читательские конференции «Литературной газеты» в Пензенской области — городах Пензе и Белинском. С докладами о работе «Литературной газеты» и ее планах выступили член редакционной коллегии газеты Георгий Гуна.

Наши читатели, отмечая большой интерес советской интеллигенции к «Литературной газете», высказали ряд критических замечаний и пожеланий. Врач А. Душкин из города Белинского советовал больше внимания уделять жизни районов, особенно глубинных, ставить вопросы их развития, освещать культурную жизнь, имея в виду не только ближайшую, но и более отдаленную перспективу. Слесарь Пензенского велозавода М. Тимошин рекомендовал больше места в газете уделять вопросам литературных.

Декан филологического факультета Пензенского педагогического института А. Кирялюк обратила внимание на то, что газета мало занимается библиографией. Много, очень много книг, достойных быть положительными отмечеными, остаются вне поля зрения газеты. О том же говорили сотрудники библиотеки имени В. Г. Белинского М. Ключевская (гор. Белинский) И. Волкова, сотрудница библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (Пенза).

Писатель В. Садовский (Пенза) указал на то, что некоторые дискуссии на страницах газеты как бы «ходят в песок». Директор Дома-музея В. Г. Белинского П. Максиашвили (гор. Белинский) рекомендовал в связи с предстоящим 150-летием со дня рождения В. Г. Белинского больше писать о замечательных трудах и идеях великого критика-мыслителя.

В читательских конференциях принял участие заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Пензенского обкома партии И. Быков, руководитель писательской организации Пензенской области

Лет двадцать тому назад было это. Со старым медлительным старателем — так называли у нас золотых искателей — мы сидели на берегу быстротечной зауральской речки. Он мне, молодому поэту, поведал тайну своего ремесла. «Золото, что в земле, — начал он, — оно еще не золото. Его нет, если пока я не нашел. Но я хорошо знаю, что найду его, и тогда оно станет золотом. Это еще признака», — продолжал старатель, — а сказка в другом. Золотая жила в земле, что твое повальное дерево, имеет свой ствол и свои ветви. Только листьев нет. Попал на одну из ветвей, по ней ты и идешь. Но тебе не ведомо, куда она ведет. Если к стволу — тогда удача. Ошибся направлением — досада горькая. Кругом бестолковым ругаешь себя. Вот так. — Старик впервые посмотрел мне в глаза. — За рисковое дело взялся, син. Но тайна твоих удач не под землей. Глазами души гляди на мир. Тебе лучше будет видно...»

Лет двадцать тому назад было это. Со старым медлительным старателем — так называли у нас золотых искателей — мы сидели на берегу быстротечной зауральской речки. Он мне, молодому поэту, поведал тайну своего ремесла. «Золото, что в земле, — начал он, — оно еще не золото. Его нет, если пока я не нашел. Но я хорошо знаю, что найду его, и тогда оно станет золотом. Это еще признака», — продолжал старатель, — а сказка в другом. Золотая жила в земле, что твое повальное дерево, имеет свой ствол и свои ветви. Только листьев нет. Попал на одну из ветвей, по ней ты и идешь. Но тебе не ведомо, куда она ведет. Если к стволу — тогда удача. Ошибся направлением — досада горькая. Кругом бестолковым ругаешь себя. Вот так. — Старик впервые посмотрел мне в глаза. — За рисковое дело взялся, син. Но тайна твоих удач не под землей. Глазами души гляди на мир. Тебе лучше будет видно...»

«*Золотое дерево*»

Мустай КАРИМ

Первое, что увидели мы на янаульской земле, была ретрансляционная телевизионная вышка. Она заняла господствующую высоту на вершине никем раньше не примечательного Сакаттая. А теперь человеческий взор не может пройти мимо него. Он заставляет себя любоваться и будто издалека говорит: «Вот такие дела в Янауле...»

Писатель часто приглашает в районы на вечерние университеты культуры проводить занятия. На этот раз мы также думали, что вечером выступим, а утром уедем обратно. Но мы не смогли уехать и на утро, и на следующий день. Не дожди нам помешали, которые шли почти беспрерывно. Этому было две причины.

В районе партии рассказали, какой большой интерес вызвал университет культуры, что на его занятия люди едут даже из отдаленных колхозов. Да и директор его не живет в районном центре. Университетом руководит председатель крупного колхоза имени Чапаева Хаммат Усманов. Этот собранный, энергичный человек, корнями ушедший в землю, хорошо знает, что для роста даже малого сельства нужна не только влажная почва, но и теплый свет солнца: а для роста людей — тем более.

— Если бы десять лет назад, — рассказывает секретарь райкома партии

Г Е Р О И

РАБОТНИК многогорячки пршел в котлован в бригаду бетонщиков. Нашел звеньевого Приходько.

— Мне бы что-нибудь... — Он хотел сказать «что-нибудь выдающееся», но успел. Тогда позвали. Испортился перфоратор. Приходько снял верхонки, начал возиться с инструментом. Иногда совал озбывшие пальцы в карман. Скорее перфоратор снова затрещал.

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

От Братска к Заярской дорога частью идет Ангаре, и лед на дне зеленый, порезанный тракторами. Потом выезжают в поле, но оно не обыкновенное, это поле — громадное пространство до горизонта в черных пеньках. Словно на белый ватман насыгали миллионы клакс. Значит, и здесь будет Братское море.

Машина наша едет и едет. И все пеньки да пеньки. Эдакие черные тараканы вылезли на белоснежные. Глаз быстро устает от такой рабы. И тогда все кажется то сплошь белым, то черным. И вдруг среди этого неживого пространства березка. Тонкая и тихая.

Милая ты моя! Как же ты сохранилась здесь, среди снегов? Как же тебя не спилили, не порубили и не сожгли?

Одна, непонятно, чудно, — среди горелых пней стоит, прозрачная, белее белых снегов, что вокруг нее. И я уже фантазирую и готов сочинить какую-то новую сказку... Но шофер рядом говорит:

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пиллила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько посыпали, и ни одного, и здесь наше бородато что спасали. Поглядили. Березка.

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

Ярко светит, нуропасит над землей, шутит, смеется веселое и щедрое юньинское солнце. Это оно — подарок подарило упрятано молчанием лодки, прохладой синевы, студеным колодца. И, конечно, это оно, добное солнце, помогло сейчас парю найти те самые слова, самые чистые слова, которые так взволновали и смущили подругу... Фото читателя М. Клюева

„Золотое дерево“

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЖАВОРОНОК ЗАПЕЛ

Я рассказал о трех деревенских вечах, породивших в нас немало радостных дум. Тяга к искусству, к прекрасному и возвышенному давно живет в нашем народе. Примечательно теперь другое — рождается новый высокий порыв масс к участию в создании прекрасного, у людей родились желания не только наслаждаться великолепием того золотого дерева, но принести ему в дар сокровища и своей души. Поэтому что человек, чем больше творит, тем больше отдает творимому, тем богаче становится.

За все три дня мы не слышали: «Дайте нам то, дайте это» — хотя пока нужны большие. «Больше мы ничего не просим, помогите только специалистам», — говорят в Янауле. А ведь в стране таких Янаулов десятки тысяч. Самый могучий «дуб» безмолвствует, если нет хотя бы лежкого дуновения ветра. Чтобы зашевелилось и засело золотое дерево народных талантов, нужно прикоснение ветра. Таким ветром могли бы стать люди, знающие и любящие искусство, посвятившие себя благородному делу служения ему.

В свое время, когда, например, в сельском хозяйстве не хватало специалистов, было организовано огромное количество специальных школ и долгосрочных курсов. Быть может, аналогия не совсем уместная. Но всем очевидно, что село просит, село требует

теперь специалистов по искусству. Задачи подготовки режиссеров для народных театров, руководителей народных оркестров, хоров и танцевальных коллективов, руководителей сельских изостудий, учителей по музыке и рисованию приобретают общегосударственный размах. Поношему народу нужны запевалы, бесчисленным народным оркестрам нужны капельмейстеры. Настала пора открывать новые школы для подготовки таких специалистов по искусству для села.

Ясаки и Зариповы, конечно, везде есть. Но им нужны опора и помощь. Конечно, учреждениями искусства и творческими союзами селе оказывается шефская помощь. Это скорее всего сочувствие, нежели помощь. Ветер, который дует редкими порывами, не крутит мельницу. Он должен дуть постоянно и с нарастающей силой.

Солнечным утром мы выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и спокойен. В небе залеп жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставляя белую полосу, пронесся реактивный самолет. Он на какое-то мгновение заглушил пение жаворонка. Неизвестно, перестала ли петь эта птичка, когда над ней пролетел ее стальной собрат, но как только умолк гул мотора, мы тотчас же услыхали ее голос. Жаворонок висел на том же месте и звенел по-прежнему. И как-то думалось: жизнь сильна и прекрасна не только могучими стальными птицами, но и нежным звоном жаворонка.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Малышев И. Встречны на Ольчане. Якуткнигоиздат. 40 стр. 3.000 экз. 85 коп.

Малешин С. Молния в черемухе. Свердловское книжное издательство. 66 стр. (Библиотека одного рассказа). 15.000 экз. 80 коп.

Рыбников А. Офицеры. Роман. Оренбургское книжное издательство. 466 стр. 30.000 экз. 8 руб. 70 коп.

Соколов В. Родники счастья. Стихи. Свердловское книжное издательство. 63 стр. 2.000 экз. 70 коп.

Стариков В. Избранные. (Предисловие Е. Пермака). Свердловское книжное издательство. 320 стр. 15.000 экз. 7 руб. 10 коп.

Удалов И. Родники. Очерки и рассказы. Владимирское книжное издательство. 88 стр. 5.000 экз. 1 руб. 30 коп.

С ТУЧУСЬ в низкий, бедный, совсем мирный, идеальный по виду домик под матовой по пыли железной крышей:

— Здесь живет семья Черниковых?

Отворяет сутуловатый смуглолицый человек в железнодорожной форме.

— Кому это мы занадобились? Интересно...

Я вынимал из кармана письмо, написанное им, Парамоном Петровичем Черниковым, и его детям — Виктором, Валентиной, Николаем, — письмо, полученное несколюко дней назад редакцией:

«Письмо посыпало такое несчастье! Наша мать Ирина Филипповна Черникова, 1914 год рождения, бросила нас наследства по приказу секты пятидесятников-трясунов... Ездит по городам со святыми проповедниками — проходящим из Воркуты, недавно вышедшим из заключения... И они создают паучи гнезда новых сект и распространяют религиозную литературу...»

— так начиналось это письмо из Воркуты, маленького города на Белгородщине.

Парамон Петрович широко распахивает дверь:

— Задорите... Ребята все дома...

Ребята: густоволосы, смуглые, как отец, и так же реагируют на расспросы о матери. В голосах — несдерживаемая боль...

Виктор, младший Черников, недавний школьник, откровенно всхлипывает. Тяжело... Прямо невозможното тяжело! Вон на груди макинки полусладок, на комоде — ее зеркало... В шкафу — ее платье, в ящике стола прохожему хранился значок «Отличный стрелок», полученный ею еще в молодости... А самой ее нет. Ни словечка, ни строчки с того осеннеего вечера прошлого года, как бежала она из дома, в котором прожила чуть не тридцать лет.

Что сделали с ней слуги «бога милюсердного»? Уже не матери, не женой, не человеком понадала она Валуйки по заданию пятидесятнических глашатарей, а безвольной боякой работой с душой, спаленной мрачным огнем фанатизма.

Наш разговор заходит в тупик, едва начинаются расспросы о том, что же в конце концов это за племя злобное — пятидесятники-трясуны. Кажется, даже воров на спортивных джемперах съязвили Черникова ощущения...

— Об этом никакими словами не рассказать... Сами побытав там на радиациях, — твердят они. — Это на Казахской, у Предыбайло...

И вот я там...

ПОДМОЧЕННЫЙ ПОРОХ

Круглые, желтые, как копейки, глаза сестры Нины Предыбайло лихорадочно бегают по восковым страницам, от которых несет запахом тленя. Высокий взглывший голос бросает вниз, на головы коленопреклоненных людей, не вообразимо древние, исполненные темной силы унижения слова:

— Блаженны нынешние духом...

И в ответ катится тусклым эхом:

— Блаженны...

Тяжелый полумрак плавает в доме Нины Предыбайло. Закатный солнечный луч проводит кровавые мазки по голым белым стенам, чуть освещает покорно согбенные фигуры молящихся.

Все быстрее и быстрее читает пророчица, все визгливей, истеричней, нарывней звучит ее высокий голос, лихорадочные пятна выступают на серой коже коленопреклоненных, возбужденные крупной дрожью проходят по телам... И вот неестественно, словно во внезапном параличе, перекашиваются рты, вылезают из орбит помутневшие глаза, и брызнут из них крупные слезы, рвутся из охрипших глоток, протягиваются волни... Кажется, что попал в палату буйных помешанных...

Началась «беседа с богом»... — страшное, изуверское пятидесятническое радиение.

Кто эти люди, собравшиеся у Предыбайло? Неужто наши современники? ...Держатся, как в припадке, стройное тело молодой женщины, работницы ателье Марии Ландиной. «Господи спаси, господи не погуби!» — выкрикивает она почти в беспамятстве... Беспорядочными ударами в kostяную грудь награждает себя Елена Гребенюкова, мать семерых детей, которые бородят по городским улицам головы, грязные, обтрепанные, почти беспризорные, пока она «спасает душу», «замаливает грехи» или выполняет хозяйственные поручения сестры Нины: Гребенюкова своего рода наперсница и служанка пророчицы...

Стон, покорно сложив на груди наружные руки, женщина с изможден-

ПРЕМИЮ — НА ШКОЛУ!

Это было нынешней весной. Михаил Шолохов получил письмо от сына своей второй жены — Каргинской, в котором они просили своего датчика Верховного Совета СССР оказать содействие в строительстве новой школы. С Каргинской фотография писателя с сыном на память: «Мы пришли в церковно-приходскую школу, здесь написал „Донские рассказы».

И вот теперь Михаил Шолохов целиком отдал для школы в Каргинской школе. Писатель написал письмо в Верховный Совет: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Вчера в беседе с нашим корреспондентом секретарь Беленского района партии Петр Васильевич Сердик рассказал:

— Это редкое замечание. Морально, патологически, нравственности сильно вззволновало Каргинскую, они пригласили знатного земляка в себе. В прошлую субботу мы поехали с Михаилом Александровичем в станицу. С Каргинской фотография писателя с сыном на память: «Мы пришли в церковно-приходскую школу, здесь написал „Донские рассказы».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Вчера в беседе с нашим корреспондентом секретарь Беленского района партии Петр Васильевич Сердик рассказал:

— Это редкое замечание. Морально, патологически, нравственности сильно вззволновало Каргинскую, они пригласили знатного земляка в себе. В прошлую субботу мы поехали с Михаилом Александровичем в станицу. С Каргинской фотография писателя с сыном на память: «Мы пришли в церковно-приходскую школу, здесь написал „Донские рассказы».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить Каргинской премию».

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым встал секретарь Беленского района партии П. И. Костенко, он выступил с речью: «Мы просим присудить

Театр
имени Г. Сундукина
в Москве

*
Снимается
фильм
о герое

*
Стихи
Евгения
Винокурова

*
Рассказ
Дмитрия
Холендро

*
За рубежом

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

350 ТЕЛЕФОННЫХ
ЗВОНОК...

...праздновало в течение получаса на американской телестудии, принадлежащей радиокомпании Коламбия бродкастинг систем. Эрнесто спешил выразить свое негодование. А вызвано оно было телепостановкой по роману американца Петра Франка «Улы, Вавилон». Вратуц сюжет его сводится к следующему: на США нападает некая могучая держава, и после нескольких часов ядерной войны страна, подвергшаяся атаке, лежит в развалинах. Остался неизвестный лишь небольшой городок во Флориде — своеобразный «Невский ковчег», уцелевший в хаосе войн. Авторы телепостановки с завидной щедростью инсценировали ужасные последствия водородной бомбенки.

И начались звонки. Они были вызваны страхом, тревогой и возмущением. Зачем, в то время как в Женеве идут переговоры о разоружении, показывать вещь, в которой агрессор весьма недвусмысленно ассоциируется с Советским Союзом? К чьему посыпать тело, кто поставляет романы ужасов о неизбежности третьей мировой войны с весьма прозрачным злонамеренным подтекстом?

Остается лишь добавить, что за спиной Петра Франка стоят более, чем он, влиятельные эксплуататоры «атомной жизни», которые всеми возможными средствами пытаются торпедировать дальнейшее намерение своего народа жить в мире и согласии с народами других стран.

ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ
СИОРАНА!

С таким вопросом настойчиво обращается литературный обозреватель парижского еженедельника «Ар» Роже Нимие к читателям. Он спрашивает их об этом дважды: на первой и на четвертой страницах, спрашивает не из ее содержания, мог бы увеличиваться не вопросительным, а восклицательным знаком: «Прочтите Сиорана! Прочтите его книгу «История и утопия», только что вышедшую в издательстве «Галампра».

Ответим критику из «Ар», что нам приходилось читать Сиорана писать о нем на страницах «Литературной газеты». М. Сиоран в своих философских весях с якорем стремился внести вклад в раздумье о «холодной войне», сея рознь и неизвестность между народами. В книге, которую рекламирует «Ар», собраны именно эти ассе, стяжавшие Сиорана печальную известность, и называние их читателю свидетельствует о том, что кое-кому хочется возвратить атмосферу «холодной войны».

М. Сиоран пишет витиевато. Автора «рекензии» приводят в восхоре такие красоты его стиля: «Феномен, не имеющий себе подобных: Россия должна оправдать свои захватнические намерения безграничностью своего пространства. Поскольку у меня достаточно, потому бы не получить еще большего? Таков скрытый парадокс и ее требований, и ее умалчиваний...»

Людям нравится модное венчание, «Ар» пишет, что это «его книжка содержит некий «подземный тон». Мы хотим называть его «загробным», настолько от приведенного выше и других высказываний Сиорана вест теми временами, с которыми народы хотят решительно покончить. «Ненависть — вот жизненная сила, заключенная в каждом», — так резюмирует Нимие сущность философии автора «Истории и утопии», утверждая, что «цивилизованный читатель во второй половине XX века будет чувствовать себя как дома, открыв книгу Сиорана».

Трудно сказать, что разумеет Роже Нимие под словом «цивилизация» и почему он не предложил философу выразить свой морально-этический кодекс в короткой заповеди: «Убий». Стиль от этого стал бы еще выразительней и изящней.

РАССКАЗ

Дмитрий Холендро

Ночной разговор

Твои ноги прожили
свое быстрей тебя. Вот
и все. Этот доктор
оказался мудрец нас.

— Мудрец верят
на слово только дураки,
Ленка. Я попался.
Ну, и ладно. И дай мне
папироку. Всего одну.

— Нет.

— Глупо меня мучить. Ведь уже не будешь хуже. И так — плохо.

— Тебе больно, когда лежишь?

— Нет, что ты. И

когда хожу, — не больно, даже забываю. Валенки уютные. Я о другом. Что-то с тобой плохо, Ленка. Я ведь знаю, почему ты не спишь... Ленка! — прошептал я. — Ты снова плачешь? Глупая. Ну, отвечай же. Я не хочу, чтобы ты молчала.

— Когда ты называешь меня Ленкой, я только вспоминаю Аким.

— Ты горюешь?

— Я счастлива.

— Если бы я знал, что это правда!

— Это правда.

— Но ты плакала. Ты всегда плачешь тихо.

Или никогда не плачешь. Не знаю.

— А я не скажу.

— Ты не плач, Ленка. Чем я утешу тебя?

Одним.. Такой, какой я есть, я всегда буду с тобой.

— Убери пальцы с моих глаз...

— Иной раз мне кажется, что мы только

что встретились. И ничего еще не было. И все это неправда: Таежная, север, Теберда... Может, лучше, если бы этого не было? И ты не знала бы меня? Лучше?

— Все было, Аким. И ничего не забудется.

Никогда. Ни те таежные сопки, ни эта степь,

где мы начерили свою последнюю карту.

— Еще будет!

— Это неважно. Было так хорошо!

Лена приподнялась на локте и говорила, глянувшись над Акимом, глядя ему в лицо, чтобы он увидел ее улыбку. Но свет луны был слишком слаб и беспечно таил, не доставлял до крохоты. И Аким почти не видел лица Лены и мог догадываться об улыбке лишь по голосу.

Лена вспоминала, как вели гравессы нефте-

проводы по тайге. Как она жила со своей ма-

ленской группой в будке паромщика у бурной реки, и Аким спустился однажды с верховьев этой реки на бревне, весь изъеденный комарами. Они натянули простыни над чьей-то лодкой, вытащенной на песок, набросали в лодку веток и спали там две или три ночи.

— Помнишь?

— Да, — сказал Аким. — Я тоже хорошо это помню. Только боялся повернуть себе.. .. До сих пор не всегда верю, что ты со мной...

— Не знаю. Может быть, потому, что ноги, ноги изыскателя проходят в его картах, Аким. Пока уложишь

кусок трассы в десять километров, прополешь

трижды пять, Взад — вперед, взад — вперед.. .

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

МАСТЕРСТВО ТЕАТРА

БЕРЕВАНСКИЙ театр имени Г. Сундукина закончил гастроли. Положение критика обязывает сделать обзор всех показанных в Москве пьес по ходу поездки, — похвально оценить активную работу театра над современной темой, привлекательность отбора классических произведений, указать на общие достижения и отдельные недостатки в актерской игре, на значительные успехи и отдельные срывы режиссеров. Но изменить обычай и не становиться — даже в дни экзаменационной сессии — расставлять актерам и режиссерам отметки. На этот раз хочется подумать о стилях особых особенностях театра в целом.

Реализм Театра имени Г.

Сундукина многогранен и ярок.

Имена Ваграма Папазяна, Граччии Нерсесяна и ныне покойного Вагаршана Вагаршяна знаменуют не только крупные актерские индивидуальности, эти выдающиеся зодария определяют собой мощную структуру национального стиля, сущность возведенного с правдивым, образным и живописным изображением человека. Эта ведущая стилевая тенденция существует не только в

игре корифеев театра, она является мерилом таланта и для среднего, и для младшего поколения актеров. И существует она не только в своей чистой героико-романтической форме, но и определяет внутреннюю тональность жанровой, бытовой игры. Вспомним сатирические персонажи Гургена Джанибекяна, Авета Аветисяна — эти человеческие глубы корыстолюбия, сплетни и пошлости.

Это же единство героико-

и жанрового определяет ди-

намику сценических решений режиссера театра и в первую очередь творчество его художественного руководителя Вартана Аджемяна.

Приведем два примера из спектаклей «Дядя Багдасар» и «Хос» по роману Ал. Ширванзаде.

«Разыранный лягушка» Багдасар рычал, воинственно жестикулировал, стучал кулаками; его взор метал молнии, а люди не трепетали, ибо все эти сокрушительные пассы пронзали человеком. Б. Аджемян не все равнодушен — в эпическом разворте спектакля порой иенужно замедляется ритм, а среди ярко сыгранных ролей попадаются и вялые, бытовые решения. Но главное в спектакле звучит отчетливо и сильно. Идет отчаянная борьба за наследство — в центре сражения средний из братьев Микаэля, человек циничный, решительный. В быстрой и нервной манере игры Нерсесян подчеркивает, что его герой — конь без узды, что это воитель, которому храно уже потому, что обявлен война.

И вдруг этот воинственный герой на полном ходу сбрасывает ноги. Гордый лев бакинского «высшего света» получает публичную пощечину... И здесь актер показывает, что у его героя бесчестие породило представление о чести. От сцены на наших глазах меняется не только характер героя, — меняется характер актерской игры, через комедийные пластины роли все отчелившей приступа глубокий драматизм исполнения. И происходит это потому, что в недрах характера героя росла новая личность, почти на пустом месте возникла новая и сильная натура, которая росла и крепла по мере столкновений с окружающей средой. Поле боя становилось все шире, а самый бой решительней и ответственней.

И вот Нерсесян уже предстал перед нами как трагический актер, а герой его, став, наконец, человеком, шлет проклятие миру собственничес-

тства.

Из глубин человеческого ха-

рактера театр извлекает мас-

тру, гордость и пренебрежение

и любовь к родине.

Слова «Интернационала».

..Практичен Запад и нетороплив.

Параграф читущий, делающий дело.. .

Страна моя, прекрасен твой порыв.

Всем достичь далекого предела!

..Я верю, будет, —

пусть идет год!

Мир и довольство.. .

Но еще не знала

Веселенная от века никогда Такой великой жажды идеала!..

* * *

Весной новой новой травы

Не знает ничего о прошлогодней.

Ей память для чего? Она жива —

Ей хорошо без прошлого, свободней.

А мне-то как: забрел в дремучий лес

Воспоминаний не выйти к свету.. .

Мир прошлого! Да он давно исчез! Его давно на самом деле нету!

Был да пропал, подобно миражу.

Прошло с тех пор уж лет пятнадцать.. .

А я брошу в густом лесу, брошу С рубцами на лице от бьющих веток.

* * *

ОПЫТ

Подумаешь, Америку открыли!

Еще в цепенках это мы знали!..

А я один, как клад, ее открыл

И позабыть уже смогу едва ли.

Как я добыл ее! Я смертный пот

Стрил ладонью. Рот был сух от

жажды,.. .

Я рыл и рыл.. . Владеет ею тот,

Кто сам, один добыл ее однажды.

Она мне. Я жил, ее тая.. .

Я, стиснув зубы, в мухах, на пределе,

Ее добыл. Вот истиня моя.

Вы же до сих пор банальность владели.. .

Между прочим, все в ней основано на фактах.

Я услышал от моих

собеседников, сра-

жавшихся когда-то в этих

местах, историю, воскресшую в сценарии Леонида Зорина, Александра Аловы и Владимира Наумова, историю одной немецкой женщины, найденной нашими солдатами в последний день войны почти бездыханной в овраге. Сквозь огни фашистских батарей, потерявшие солнце, в глаза ударили яркие лучи. Гол! Ну, конечно же, вынужено только солнце.. .

Фото читателя В. Бибо

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ.. .

В глаза ударили яркие лучи. Гол! Ну

ВРЕМЯ гудит телеграфной стрункой, — писал Владимир Маяковский. Сегодня оно предрасполагает беспроводочный телеграф. Сегодня морное гудение железных дорожных рельсов кажется ему слишком спокойным, и оно рвется к космическим скоростям ракеты. Ход движка на логарифмической линейке начинает казаться ему наивным, и оно нетерпеливо программирует свои желания кибернетическому мозгу, требуя ответов немедленных и всеобщимлющих, тут же превращающих их в новые вопросы, и, добившись ответов, снова вопрошает, ищет. После многих веков ожидания оно хочет проникнуть наконец в свою собственную тайну. Тайну Времени. Времени и Пространства.

Постижение тайн природы и природы своей собственной делает человека сейчас более чем когда-либо «красой вселенной», «венцом всего живущего». Сегодня это право из пыльной шекспировской декларации стало бесскорыстной реальностью.

Но каков сегодня Человек? Каким он приходит к своему творчеству, к тому долгоданному времени, когда он становится хозяином над силами, кавказским его недавним предкам стихийными и неподвластными! Но он же берет власть над движением вод и ветров, над капризами тепла и холода, над работой своего собственного мозга, над сокровенными тайнами жизни и наследственности, над производом смерти. Когда он вырывается из «материи» материи сокрушительной энергии и, преодолев кавказские препятствия, вырывается в Космос, — когда, наконец, он приступает к созданию самого благородного из своих «творений» — к строительству коммунистического общества. И это величие творчества многомиллионных трудящихся масс—разве оно не лучше подтверждение возрождения могущества человека?

Итак, каков сегодня Человек, получивший власть над законами природы и общества? Как он любит, ненавидит, каковы его представления о долге, горе, счастье? Чем живут его душа и сердце?

Спор идет о месте и назначении человека в системе тех открытий и изобретений, которые созданы его же собственным гением. В буржуазном обществе, миропорядок которого приводит к духовному и физическому осквернению и вырождению человека, закономерно возникают теории, фетишизирующие механизмы, мир роботов. Не случайно там появляются так много мрачных фантазий утопий.

Человека, освобождающегося от произвола природных и общественных сил, чтобы отбечь на рабство, куда более изувеченных и испепеляющих, чем прежнее,— на подчинение власти идеально действующих автоматов. Ему предлагают не венец, а цепи. Таков плод ума рабского.

Речь, таким образом, идет — и это главное — не только о судьбе искусства, а о судьбе всей человеческой личности. Разрушение, уродливая деформация личности или полнейший расцвет всех возможностей, заполненных в ней, — интеллектуальных, эмоциональных, физических, — ни в коем случае одно за счет другого, а в гармоничном взаимодействии одного с другим. Существуют только два пути.

О сегоднешних судьбах человеческой личности, о характере нашего современника, о духовном мире советского человека, стоящего свободного коммунистического общества, о том, как все это отражено в современном искусстве, хотим мы говорить на наших страницах в открывшемсяся сегодня «Клубе «Литературной газеты».

И среди вопросов, выдвинутых нашим временем, первостепенное место, естественно, займет разговор о герое наших дней — о том, каков он в жизни и каким предстает на страницах

КЛУБ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

находит свое место и призвание в великой битве за светлое будущее человечества.

Время меняет человека, время неотвратимо влияет и на судьбы искусств — этого великого человеческого. Современная жизнь, формы современного мышления, чувствования, — как определяют они формы литературы, живописи, музыки, в каком взаимоотношении и взаимодействии друг с другом находятся — таков другой круг вопросов, которые, мы считаем, должны быть обсуждены. Необходимо в первую очередь раскрыть то новаторские завоевания, которые сделали искусство социалистического реализма, опирающееся на незыбленный принцип партийности.

Важно разобраться и в традициях великого реализма XIX века — какова их роль в судьбах сегодняшнего искусства, какие тенденции она развивает и обновляет, какие остаются в прошлом; где кончиваются плодотворные новаторские поиски и начинается модернистский изыск, беспеченный сюжетом, праздное трюкачество?

Архитектура, живопись, музыка, проза, поэзия, театр, кино, телевидение — все они, всплывшись, вглядываясь в жизнь, ищут новый язык, новые ритмы, композиции, монтажи, соответствующие нашему времени. Происходит взаимопроникновение искусств. Достижения и открытия, совершенные в одном искусстве, влияют на судьбы смежного. И, в свою очередь, настыки разных искусств происходят многообразные открытия и находки. Их надо поддерживать.

Но по-прежнему мерилом всего остается Человек. Поэтому важно исследовать и те современные формы выражения психологии современного человека, которые находят сегодняшнее искусство. Важно при этом проверить, не утеряла ли нынешняя проза, например, некоторые бесценные завоевания писателей-психологов прошлого. Не теряется ли за изображением психических частностей целостное представление о характере?

Наконец, всебытый интерес вызывает сегодня вопрос о взаимоотношениях современного искусства с научной революцией, о взаимном влиянии научного и художественного творчества. Становятся ли они антигностиками? Или мирно делают «сферы влияния»? А может быть, где-то между ними рубежи исчезнут?

Тот, кто придет со своими раздумьями на страницы нашей газеты, наверняка примет множество других вопросов.

В обсуждении всех этих животрепещущих вопросов мы приглашаем принять участие писателей, художников, композиторов, архитекторов, артистов, режиссеров, искусствоведов, публицистов, рабочих, колхозников, студентов, физиков, биологов, психологов — всех деятелей науки и техники, людей профессий и возрастов. Редакция предполагает привлечь к участию в этом разговоре также крупных зарубежных писателей и ученых.

«Клуб «Литературной газеты» мы открываем сегодня статей Корнелия Зелинского «Научная революция и литература». Это только одна из первых статей, положенных на круглый стол Клуба. В ней затрагивается лишь несколько из многочисленных вопросов, которые будут подняты в ходе обсуждения.

Ждем ваших статей, товарищи читатели! Ждем ваших вопросов, мыслей, раздумий!

МНОГИЕ читательские письма по поводу статьи «Како грядеш?» заставили меня задуматься. Они показали, что в народе происходят глубокие духовные процессы, мимо которых не может пройти наше искусство.

Что же происходит в умах людей, с чем связаны судьбы искусства, науки, да и самих людей? Появляются новые культурные революции, выражаясь в переходе людей в более высокий класс коммунистического сознания, как верно сказала Валентина Гаганова на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда. Этот переход в высший класс коммунистического сознания сопровождается двумя вещами: массовым освоением техники и познанием ее научных основ и в то же время (как сказал мастер тепловозоремонтного цеха В. Станислав) «заметно усилилась тяга молодых рабочих к литературе и искусству».

Итак, миллионы, множества устроились в технику, а значит, и в науку.

И в то же время множества устремились к искусству или в само искусство (например, в форме художественной самодеятельности). Обе эти дороги сливаются, но они разные. И предметы, с которыми человек встречается, развивая свое техническое и абстрактное мышление или развивая конкретное эстетическое восприятие, — разные предметы. Неправы те, кто почтит технику и науку куда ниже искусства, по силе воздействия на душу человека, что общение с техникой нейтрально. Технику не только изучают. Она сама учит, она задает вопросы.

Горняки шахты № 46 на присоске имени Артема Бодайбинского района, Иркутской области внимательно обсуждали статью «Како грядеш?» и, как пишет в редакции радиотехник М. Скоробогатый, который проводил эту беседу, решили обратиться с просьбой: «Рассказать на страницах «Литературной газеты» в популярной форме об исследовании природы математическими методами. «С этим вопросом надо обратиться в редакцию другой газеты или журнала», — наставила одна. «Нет, раз уж «Литературной газете» затронут этот вопрос, пусть на него и ответят», — настаивали другие...

Вопрос, поднятый горняками с далекого сибирского присоска, имеет более широкое значение, нежели это представляется на первый взгляд. Он показывает, что простого практического изучения техники по учебникам становится мало. Наша люди, естественно, хотят разобраться в научной, принципиальной стороне предмета. И, в частности, уяснить переход от практического задания и предметов к формализованным путям мышления, то есть в первую очередь к математике. Это первая ступень, то есть вершине вопросов, которая нас подводит к более всеобъемлющей проблеме научной революции, составляющей у нас, в СССР, не самостоятельный фактор, но один из сторон преобразовательных процессов, которые происходят в нашей стране.

За вопросом бодайбинских горняков последуют другие. Их можно сформулировать так: «А что значит вообще научная революция? И почему в ней первенствующее значение приобретают математика и кибернетика?»

ЧТО ПРОИСХОДИТ?

СЕГОДНЯ в цехах и на заводах пока еще медленно входят мерицающие вестники будущего — автоматы и роботы. Но этот процесс с каждым годом будет ускоряться. Что же произойдет завтра, при полной победе революционной промышленности коммунизма? Наступит «мир никопольской цивилизации», когда руки людей совсем освободятся от труда механического, чтобы приложить эти руки к труду только творческому, и жизнь будет пронизана искусством, красотой? В развитии науки и техники есть своя внутренняя логика. Самолеты не могли появиться ни Петре I, хотя лю-

цах нашей многонациональной советской литературы и литературы загубленной. Что сегодня его волнует, что нового появилось за последние годы в его характере, психологии, интересах, требованиях, какие вопросы его тревожат, в каких бои и конфликтах он вступает, как любит, что считает счастьем; если у него есть время — какие они и как он с ними весят, если другая — то нечем зиждется дружба. И главное — как он трудится, дерзает, творит, как

для даже предмета для спора. Многие читатели считают нелепостью возможность непримиримости искусства или разношерстия к нему, как нелепо всякое варварство. «Не осуждать, а жалеть таких людей надо», — пишет агроном И. Островской из Тамбова.

Об отсутствии предмета для спора говорилось и в выступлении одной студентки на диспуте в Московском университете имени Ломоносова, собравшем большую аудиторию не только студентов филологов, но и физиков, и математиков.

Можно заметить, что диспропорции в развитии отдельных участков фронта человеческой культуры в гораздо большей степени дают себя знать в условиях буржуазного строя. Например, в Англии тот же профессор Р. Е. Пайерлс пишет в своей книге:

«В наши дни преобразование специального образования можно услышать о типе ученого или инженера, духовные интересы которого ограничены узкой областью и в чём образованием полностью преобладало общечеловеческими ценностями, включая искусство и гуманитарные науки. Вполне возможно, такого типа действительно существует, хотя он был бы совершенно не похож на большинство знакомых мне ученых и инженеров. Однако я уверен, что существует также другая крайность, именно человек, чье воспитание ограничивалось искусством и гуманитарными науками и чьи интересы далеки от естественных наук».

Более подробное освещение кибернетических устройств и сама наука не только представляют собой творения человеческого мозга, но и взаимодействуют с ним, подобно воздействию музыки на человека, которая тоже есть человеческое творение. Вот почему можно понять (хотя и не принять) даже озорной выпад «против Баха» со стороны человека, который знает, что при помощи кибернетических устройств «сейчас не представляют редкости демонстрации сочинений подобных образцов музыки, например, в стиле Баха и Вивальди. Утверждается, что мелодии венецианских песен хорошо имитируются с помощью случайного процесса марковского типа, т. е. процесса, у которого выбора следующей ноты зависит от вероятности, только от непосредственно предшествующей».

Более подробное освещение кибернетической обработки (при помощи быстродействующей электронной вычислительной машины) музыкальных построений (в частности ковбойских песен) мы находим в только что вышедшем втором дополненном издании гигантской книги «Вероятность и информация». Кстати, это, пожалуй, единственный в мире познанием сочиненный подобным образом.

Надо сказать, что крайности в формировании интеллигентии научно-технического и гуманитарного склада в Англии получили гораздо более острой характер, нежели о том написал бирмингемский профессор. В частности, на эту тему выступил известный физик и писатель Чарльз Сноу с лекцией «Две культуры и научная революция». Эта лекция в Англии вызвала широкий отклик, но преимущественно со стороны ученых, которые обрушились на сносили и отталкивали современный английский литературу. В дискуссии принял участие такие видные ученые, как физик Бертран Рассел, физик Дж. Коффрофт и др. Но это выступление Сноу имело широкий отклик не только в Англии, но и в других странах и прежде всего в Америке (где эта тема впервые была поднята физиком Клингом еще в 1956 году).

Итак, я действительно за триумф науки, и мне кажется, что нигилистическое отношение к науке еще более вредно, чем нигилистическое отношение к искусству. И здесь я вместе с Валерием Брюсовым, который писал в поэме «Светоч мысли»:

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияя людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайи дух человека жил,
Мысль разума распространялась в

мире...

...Все века жила, затаяна,

Надеясь — вскрыть все тайны

природы.

К великой целидвигались народы.

И смешно говорить, что наука может стать каким-то соперником искусства. Я выступила против технохратических настроений не только потому, что свою жизнь я посвятила литературе. Но главным образом потому, что отрыв от гуманитарных областей — это в то же время отрыв от мира идей, от политики, от всего того, что цементирует социалистическое общество и дает ему душу. Коммунизм — это мир прекрасного, а не просто мир «кнопочной цивилизации».

КТО ВИНОВАТ?

МНОГОЧИСЛЕННАЯ группа читателей встает на защиту искусства и с большой страстью обрушивается на тех, кто не признает или недооценивает роли искусства в

личности и отталкивает ее.

Итак, я действительно за триумф науки, и мне кажется, что нигилистическое отношение к науке еще более вредно, чем нигилистическое отношение к искусству. И здесь я вместе с Валерием Брюсовым, который писал в поэме «Светоч мысли»:

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияя людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайи дух человека жил,
Мысль разума распространялась в

мире...

...Все века жила, затаяна,

Надеясь — вскрыть все тайны

природы.

К великой целидвигались народы.

И смешно говорить, что наука может стать каким-то соперником искусства. Я выступила против технохратических настроений не только потому, что свою жизнь я посвятила литературе. Но главным образом потому, что отрыв от гуманитарных областей — это в то же время отрыв от мира идей, от политики, от всего того, что цементирует социалистическое общество и дает ему душу. Коммунизм — это мир прекрасного, а не просто мир «кнопочной цивилизации».

«Большой, настоящий больно

стремится к себе, в

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

ТАЙФУН

КОГДА гид компании «Джапан трапез бюро» спел нам по-японски «Вот мчится тройка почтовая», мы все были очень тронуты. Но вскоре выяснилось, что сделал он это просто для рекламы, дабы с большим успехом показать «товар своей фирмы».

— Слева вы видите самое крупное здание города. Токио! — старательно объясняет гид. — А вот там вы видите самую высокую в мире радиомачту, она превышает Эйфелеву башню на целых шесть метров и укреплена так, что может противостоять сильнейшим тайфунам!

Несмотря на очевидное усердие, наш гид частенько ошибался. Когда мы заинтересовались яркими шарами с плашками, ревущими над одним из крупнейших зданий Токио, гид пояснил, что это всего-навсего обычные рекламные блондины. А вскоре мы сами узнали из печати, что это было нечто другое: над радиакции социалистической газеты разлили воздушные плакаты с требованием: «Убить японского Ли Сын Мана — премьера Киси». Как раз в те дни произошли острейшие столкновения в японском парламенте: протестовавшие против милитаристского соглашения с США депутаты оппозиции по приказу Киси выволакивались полицейскими из зала заседаний.

.. И даже если бы туристы мечтали мирно любоваться красотами Японских островов, оторваться от деловой жизни, хотя бы на две недели «забыть о политике», из этого ничего не вышло бы. Политика настоячно гонялась за нами: умоляния гида были «политикой», и внезапно (по причине одной стюардессы) прозвучавшая на японском языке «Катаюсь в автобусе дальнего следования» — также была «политикой».

То, что нас привезли в школу для привилегированных детей, было «политикой», как «политикой» был отказ знакомить нас с университетом и студентами! Все-таки мы сами познакомились с ними — сначала в «бывшей древней столице Японии Киото. Студенты шествовали, громко выкрикивали: «Долой Киси! Долой Киси! Долой Киси!» — быстро в унисон выкрикивали демонстранты и в том же темпе проявляются короткими шажками. Они образуют гибкие ряды, взявшись друг друга под руки, бегут «в такт», внимая точным указаниям сотских и колонновожатых, которые движутся с ними в ногу и скандируют: «Долой Киси! Долой Киси!». Могучая масса спланировала, клокочет, рычит!

Это напоминает вихрь, напоминает тайфун...

По тротуару ведут пострадавших со следами крови на лице...

Молодые девушки с горящими глазами раздают листовки: «Долой военного преступника Киси!», «Сокрушим промпериалистический доктор!»

Распорядители колонн с яркими перьями через плечо торжественны, как депутаты революционного конвента... На небольшой площадке целая группа таких уполномоченных: это, действительно, депутаты — коммунисты и социалисты. Они собираются подпись под петициями против ратификации договора. За их спинами — два ряда полицейских. В серых кителях и шапках с ремешками под подбородком они в два и три ряда стоят вокруг всей ограды парламентского квартала. Там, где ограда низка, они вивают в газоне колыбель, вытигивают дополнительные ряды количеством проволов. Чудовищное зрелище — колючая проволока на стволах магнолий и кипретерий.

А перед оградой — тесные колонны демонстрантов. Хрупкая девушка запела в Токио, искалесив по дорогам Японии несколько сот километров. С каждым разом мы забирались все выше в горы, зеленые склоны которых напоминали украинское Предкарпатье. На горном озере, в пустующей гостинице Никко-Кано, мы встретились с «турристами», оказавшимися военными американских баз в штатском. Среди них выделялась одна пара — американский офицер с женой, прибывшие с базы на собственной машине. Он громко повествовал об удаче каждого-то своего бизнеса и премило возмущался по поводу усиливавшейся в стране антиамериканской кампании:

— Какие дураки эти японцы! Мы столько строим, так помогают им своим базами, а они ругают нас, кричат: «Гу хом!». Откуда такая ненависть? Когда его спросили, хотел ли бы он подняться с одной из этих баз на «У-2» с таким же заданием, как злосчастный Паузэр, он поспешил воскликнуть: «О, ноу! Ноу!»

СНОВА Токио. В Хибино-парке скопилось множество колонн демонстрантов из различных районов столицы. Отсюда они направляются к парламенту. Весь квартал вокруг парламента уже с четырех часов блокирован сплошным живым кольцом. Синие рабочие блузы, черные курточки студентов, пиджаки служащих и всевозможные одеяния женин — от ультрамодных до традиционных многокрасочных кимоно. На головах — узкие подогнутые полоски с иероглифами, обозначающими профсоюзную организацию, на руках — повязки со знаками распорядителей колонн, через плечо

А. ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧОС

во всю грудь — красные и цветные перевязи с лозунгами.

Агитационные фургоны профсоюзов оборудованы громкоговорителями и радиосвязью. Приказанный шага передаются по радио и через связи, которые просачиваются всюду — сквозь любое скопление масс, сквозь любой затор.

Появляются рогожные знамена и пластики — это прибыли крестьянские группы из предместий Токио.

В сумерках начинается шествие буддистских священников. Они шагают попарно, прикладывая к человеку в темных одеяниях и гонгообразных соломенных шляпах. Одни несут свечи, другие — плюсовые бубны, по которым бьют пальцами. Они также обходят блокированный район парламента и свою заклинания, направленные против политики Киси, который оставается в осаде до полуночи, до того момента, когда демонстранты, прорвав колючие заграждения и ряды полицейских, вторглись на территорию парламента и забросали окна камнями.

Киси пригрозил строгими наказаниями всем, кто примет участие в демонстрациях.

Но народ не могла запугать! На эти угрозы студенты ответили решением «бросить учебу, если Киси не уйдет в отставку! Профессиональные союзы выдвинули предложение объявить всеобщую стачку, свергнуть правительство Киси:

«Военный преступник Киси должен уйти! Смерть промамериканскому договору!»

Строгие восковые ма-
лоподвижные лица. Но
здесь глаза у демон-
странтов, когда они по-
ют «Интернационал!»

Это глаза, загоревшиеся пламенем

борьбы, это лица, воодушевленные ре-
шительностью, преисполненные волей к
победе.

Это совсем темно. Гигантское коль-
цо вокруг парламента вспыхивает ог-
нами: заранее припасенные бело-красные
фонарики и фонарьки, электрические
«дневные светильники» и прожекторы.
Напряжение только усиливается, грому звучат голоса, теснее становят-
ся ряды...

Двести тысяч демонстрантов!

Они забаррикадировали не только весь квартал, но и личную резиденцию премьера Киси, который оставался в осаде до полуночи, до того момента, когда демонстранты, прорвав колючие заграждения и ряды полицейских, вторглись на территорию парламента и забросали окна камнями.

Киси пригрозил строгими наказаниями всем, кто примет участие в демонстрациях.

Но народ не могла запугать! На эти угрозы студенты ответили решением «бросить учебу, если Киси не уйдет в отставку! Профессиональные союзы выдвинули предложение объявить всеобщую стачку, свергнуть правительство Киси:

«Военный преступник Киси должен уйти! Смерть промамериканскому договору!»

Главные ворота парламентского квартала забаррикадированы наглухо деревянными щитами, за которыми установлены бронемашины. Полицейские с автоматами в руках ходят по крыши автомобилей.

«ИЮНЯ полицейские Киси рас-
стреляли народную демонстра-
цию в Токио.

Они ранили, изувечили тысячу студен-
ттов! Они убили Митико Канда —

студентку литературного факультета Токийского университета. — она шла в первых рядах студенческой колонны.

Кровавая расправа с трудащимися

Токио отдалась болезнью в сердце, и кровь

гневно закипает! Как слепы, как безумны всякие «Киси на час!» Нельзя

уйти народ, нельзя сломить народ!

Убийца Киси бесследно влезает

окровавленные руки к своему хозяину:

не может обеспечить Эйзенхаузера

безопасность, но ярость народной обра-
зации из полицейских бронемашин! И

это еще не конец: необычайный тай-
фун, тайфун всенародного возмущения

набирает силу.

И вот напоминает вихрь, напоминает тайфун...

По тротуару ведут пострадавших со следами крови на лице...

Молодые девушки с горящими глазами

раздают листовки: «Долой военного преступника Киси!», «Сокрушим промпериалистический доктор!»

Распорядители колонн с яркими перьями через плечо торжественны, как депутаты революционного конвента... На небольшой площадке целая группа таких уполномоченных: это, действительно, депутаты — коммунисты и социалисты. Они собираются подпись под петициями против ратификации договора. За их спинами — два ряда полицейских. В серых кителях и шапках с ремешками под подбородком они в два и три ряда стоят вокруг всей ограды парламентского квартала. Там, где ограда низка, они вивают в газоне колыбель, вытигивают дополнительные ряды количеством проволов. Чудовищное зрелище — колючая проволока на стволах магнолий и кипретерий.

А перед оградой — тесные колонны демонстрантов. Хрупкая девушка запела в Токио, искалесив по дорогам Японии несколько сот километров. С каждым разом мы забирались все выше в горы, зеленые склоны которых напоминали украинское Предкарпатье. На горном озере, в пустующей гостинице Никко-Кано, мы встретились с «турристами», оказавшимися военными американских баз в штатском. Среди них выделялась одна пара — американский офицер с женой, прибывшие с базы на собственной машине. Он громко повествовал об удаче каждого-то своего бизнеса и премило возмущался по поводу усиливавшейся в стране антиамериканской кампании:

— Какие дураки эти японцы! Мы столько строим, так помогают им своим базами, а они ругают нас, кричат: «Гу хом!». Откуда такая ненависть?

Когда его спросили, хотел ли бы он

подняться с одной из этих баз на «У-2» с таким же заданием, как злосчастный Паузэр, он поспешил воскликнуть: «О, ноу! Ноу!»

СНОВА Токио. В Хибино-парке скопилось множество колонн демонстрантов из различных районов столицы. Отсюда они направляются к парламенту. Весь квартал вокруг парламента уже с четырех часов блокирован сплошным живым кольцом. Синие рабочие блузы, черные курточки студентов, пиджаки служащих и всевозможные одеяния женин — от ультрамодных до традиционных многокрасочных кимоно. На головах — узкие подогнутые полоски с иероглифами, обозначающими профсоюзную организацию, на руках — повязки со знаками распорядителей колонн, через плечо

СЦЕНА ИЗ ОТНОДУ НЕ КОМЕЧЕСКОЙ ОПЕРЫ. Участники не только поют, но и несут пластики: «Ай, убирайся!», «Нам не нравится Ай!» и прибегают к еще более увесистым аргументам.

Рисунок художника Иллингворт из английской газеты «Дейли мейл»

ГЕРОМ бессмертного романа

Даниэля Дефо

попал на необытный остров в результате кораблекрушения. Потом, как известно, он изобретает чай.

И все-таки Робинзон не чаял, как покинуть этот малонаселенный островок.

Добровольно он, наверное, не решился бы обосноваться там.

Впрочем, я не собираюсь упрекать за это Робинзона Крузо. Это было бы несправедливо и просто глупо.

Я вспомнил о милейшем Робинзоне Крузо лишь для сравнения с робинзонами нашей эпохи.

Сейчас робинзонами становятся запро-
стор. И к тому же совершенно добровольно.

Я — менестрель бродячий,

я все хожу в заплатках,

и знаешь, в западах

и песенках ребячих.

В моей большой программе

есть песни разных жанров,

с тоской, с задором, с жаром

спою их перед вами!

Прости, сэр,

но я не могу.

Нельзя ли ваши песни

в другом исполнить местечко?

Десять тысяч фунтов стерлингов,

сэр!

— Заверните!

Всё равно.

Многие состоятельные англичане, устав-
шие от массовости современной городской

жизни, дали, как говорится, тягу на такие

маленькие острова, забрав с собой жен-

е, детей, автомобиль и пару друзей

блеклоком.

Большинство из них

живут в блеклоках.

Все это — это

блеклоки.

Большинство из них

живут в блеклоках.

Все это — это

блеклоки.

Фончание. Начало на 2-й стр.)
по-моему, неком о с о-
мольского возраста.
Как ее увязать с на-
шей работой?

Из глаз молодой женщины вдруг
тлунула на нас незабвенный Оптимисти-
ко с его нетленным «увязать и согла-
совать».

Была, правда, попытка сразиться с
сектантами. В прошлом году два пред-
ставителя Валуйского района партии
осторожноступили на порог предъя-
ловского дома, где собирались для оче-
редного «заседания» пятидесятники.
Гнездо, было, всполохнуло... Но гости
из района, заняли наблюдательную по-
зицию у стены, с завидным терпением
высили всю программу радения
«трехунов», а едва она кончилась, двинулись облегченной вздохнув, к выходу,
считая свое «атеистическое мероприя-
тие» законченным.

Вслед им настасливо зазвенел голос
разбитой, обнаглевшей пророчицы:

— А что, гости дорогие, вопросиков
к нам не будет?

Гости, растерянно поморгав, ответи-
ли, что вопросиков не будет...

Вся атеистическая работа в Валуй-
ках, по сути дела, возложена на плечи
местного пропагандиста Петра Серге-
вича Шаповалова. Это, правда, боль-
шой энтузиаст, но «плохо человеку,
когда он один»...

Были случаи, когда борьбу с сектан-
тством сводили в Валуйках к мерам,
явно ошибочным: попросту снимали с
работы человека. Никакого вояни, кро-
потливой работы, требующей знаний и
сердца, терпения не делалось.

Самым нелепым представлялось мне
убеждение некоторых местных старо-
жилов, что-де ничего с сектантами не
поделаешь. Вроде это болезнь какая-то
неизлечимая. Вот почему меня так по-
радовал разговор с одним пареньком,
приезжим из Октябрьского района.

— Тоже мне страховишина! — Пре-
дыйбай! — услыхала я от него. —
Вы бы на нашего Кайдалова подиви-
лись! Вот где страх был...

— Был?

— Был... А как же? Неужто терпеть
такое? Наш Октябрьский район самым
зарраженным считался, но мы пошли на
сектантов штурмом... Поехали, посмотрите...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

На маленькой станции шумно: ват-
таха парней-насмешников, видно, шоферы,
в ожидании своей электрички
осаждали тощего тонконогого дедка с
кошкой на бородке, прижимающего к
влаге груди бутыль с прозрачной
жидкостью, как выяснилось, «святой
водой» от местной знахарки «бабки
Маши».

— Вы бы, дедушка, еще к брату
Якову подались за лекарством от рев-
матизма, — поспугнула белокурую мол-
одую женщину с синими добрыми
глазами, проходя мимо по дороге в
Октябрьский поселок, — у Якова Кайдалов
вот такая бородица! Как пощекочет
его, все хвори снимет враз.

Кайдалов... Кайдалов... Своего рода
знатность среди белгородских «трех-
унов»... Догоняя белокурую женщи-
ну:

— Скажите, вы видели когда-нибудь
злещих пятидесятников Яко-
ва Кайдалова?

Она смотрит на меня, и тубы ее тро-
гают печальная улыбка:

— Знаю ли! Еще бы! Ведь я в зде-
ской секте сколько времени жизни поте-

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

ряла! Мужа бросила «святого духа»
ради. Да, не удивляйтесь — перед вами
бывшая сестра во Христе. А во-
обще-то меня зовут Нина Панченко. Я
на сахарном заводе работаю... Если ин-
тересуетесь, насчет секты, могу кое-что
рассказать. Только пойдемте ко мне, а
то увидит в окно Александр Чер-
ниев, и высокочат вместе с нею на улицу
бывшие сестры во Христе, и пойдет
как всегда: — Отступница, дьяволица!
Много тебе пастырь-антисекты дали,
чтоб от Христа отреклась?

Моя собеседница повторяет эти слова
и вдруг, прижимая руки к груди, го-
ричо говорит:

— А вы знаете, ведь действительно
бесконечно много дали мне эти «антис-
екты»: жизнь человеческую верну-
ли... такая я благодарная...

В народе главарь сектантов прозва-
ли так же, как «жувики», — «сухопут-
ные рыбаки». «Рыбачить» в здешних
местах брат Яков начал много лет на-
зад. Сначаластавил свои верши для
уполномочия душ только в поселке Ок-
тябрьском и селе Отрадном, которое
«трехунов» считают своей «стакой». А
потом с помощью божьей и также Алекс-
андры Черниевой и Афанасия Несте-
ренко, известного пьянчужки и хули-
гана, прониклись и за более отдаленные
точки Белгородчины — села Ольховы-
ки, Наумовку, Кобелевку. А сам брат
Яков пытался «спасать души
грешников» даже на расстоянии, для
чего завел усиленную переписку с
гражданами Литвы и Дагестана, Став-
рополя и Кубани, Калужской и Мос-
ковской областей... Время от времени
он совершил и поездки с вербовкой
миссий. Высоченная мрачная фигура
его в темном костюме и еще довольно
прямая, несмотря на немалые годы, хо-
рошо известна многим жителям Харь-
кова, Курска, Белгорода. Сум и даже
Москвы.

Впрочем, есть в Сибири местность, где
его помнят и безбородым: здесь
знаменитый глава «трехунов» некогда
предстал не «вместительщик святого ду-
ха», а самим собой: бывшим кулаком,
уличенным в контроверзионной де-
ятельности.

Сектанты, явившиеся на «мирское
соборище», сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Собравшиеся возмущенно зашуме-
ли:

— Мне тетеньки говорили... будто
скоро мор пойдет на нас и в совхозе
на зарплату только по три ложки маки
дават... будут — кулаш заколотить...
Правда это?

Калашников разубеждает ее обстоя-
тельно, по-взрослому.

Мы выходим на улицу. Калашников
затягивается папиросным дымом и
говорит:

— С детишками — порядок... А
знаете? Первыми за них биться ком-
сомольцы начали — киятковая у нас
молодежь, мицовая... Особенно
вожак их — Коля Лопин... Да, это
сражение мы выиграли... А только по-
беду рано фанфарить, я так думаю...
Клуб у нас слабенький — взбодрить
его надо, это в нашей борьбе важный
козырь будет... Библиотеку вот ду-
маю встрихнуть... Пусть конференции
по обсуждению антиелигзионной лите-
ратуры устраивают... Все силы ку-
лач стянем... В сотни глаз все гля-
деть будем... Сгинут эти черные при-
зраки сектанты. Помяни мое
партийное слово.

Улыбается... Улыбка у него очень
хорошая — широкая, искренняя.

Да, прав Калашников, мечтается.
Но недород, черные призраки, но
победу фанфарить и вправду рано.
Вот сейчас, когда спускаются на Бел-
городчину сумерки, опять должно
быть, в Валуйках, на Казацкой улице:
звукит, скжимая тоской и гневом серд-
це:

— Блаженны нищие духом...

...Зажигаются, прорезая сумерки,
красные звездочки на белгородской
телефешке. А за ними вспыхивают и
обыкновенные — небесные.

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых с тех пор, как секта приносинала
их черным крылом. Они стали за-
пуганными. На уроках пения не
смели рта раскрыть: им строго запре-
тили в секте разучивать «грешные»
песни о Родине, дружбе, комсомоле...
Уходя домой, ребята снимали с себя
пионерские галстуки и прятали, чтобы
дома не выпороли за «антис-
христов знак»...

Сектанты, явившиеся на «мирское

соборище, сидели, скрутившись вор-
кут вокруг своего главаря — Якова Кайдало-
ва, пораженные необычным стече-
нием народа. В напряженной тишине
звучали выступления преподавателей
отраденской школы и поселковых
жителей о горьких переменах в судь-
бе школьников Жени Нестеренко, Гали
Шерстюковой, Тан и Гали Чер-
ниевых